Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 14, Issue 1, 2026, Pp: 69-83
DOI: 10.66224/IARLL.27.4
Article No.: 27.41.202602.6983 *Scientific Article*

THE TRADITIONS OF THE GENRE OF THE MILITARY STORY IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX-XX CENTURIES

Fedorova Elena Alekseevna[1*]
Professor, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov,
Yaroslavl, Russia

(date of receiving: November, 2025; date of acceptance: January, 2026)

Abstract

The genre of the military tale is a variety of the historical genre based on a folk legend presented as fact. The military tale is characterized by a teleological plot, in particular related to the ideologeme of "Moscow – the Third Rome," and a didactic orientation. The common motifs of military tales include a prayer requesting help, the motif of the intercession of heavenly powers, the motif of the "mortal cup," and the rite of farewell kissing. The military tale incorporates the folklore genre of lamentation, the book genre of vision, and Christian symbols. The "Legend of the Mamaev Massacre" uses the image of a vine as a symbol of the Kingdom of Heaven, while numerical symbols are associated with church worship. In Leo Tolstoy's novel War and Peace, the white color becomes a symbol of redemptive sacrifice, and the sun is a sign of the presence of divine help. Here, as in the Old Russian military tales, the rite of farewell kissing is shown. Mikhail Bulgakov's novel The White Guard correlates with The Tale of Batu's Devastation of Ryazan. The city in these works symbolizes the human soul, gripped by vices. The destruction of Kiev in Bulgakov's novel, in the context of St. Augustine's work, is perceived as the completion of the old and the transition to a new, more perfect dispensation, which is associated with the "Moscow text." Elena's prayer to the Blessed Virgin Mary is heard in Bulgakov's novel, and her brother is granted life. Russia is represented in Russian literature as the inheritance of the Most Holy Theotokos, as a Christian power that is under the protection of heavenly powers.

Keywords: Military Tale, Ideologeme, Motive, Symbol, L. N. Tolstoy, M. A. Bulgakov.

---

1. E-mail: sole11@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7756-2499 * Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. Vol. 14, Issue 1, 2026, Pp: 69-83
DOI: 10.66224/IARLL.27.4
Article No.: 27.41.202602.6983 *Статья научная*

ТРАДИЦИИ ЖАНРА ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВВ.

Федорова Елена Алексеевна[1*]
Профессор, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

(дата получения: ноябрь 2025 г.; дата принятия: январь 2026 г.)

Аннотация

Жанр воинской повести является разновидностью исторического жанра, в основе которого лежит народная легенда, представленная как факт. Для воинской повести характерен телеологический сюжет, в частности связанный с идеологемой «Москва – Третий Рим», и дидактическая направленность. К общим мотивам воинских повестей следует отнести молитву-просьбу о помощи, мотив заступничества небесных сил, мотив «смертной чаши», обряд прощального целования. В воинскую повесть входит фольклорный жанр плача, книжный жанр видения, присутствует христианская символика. В «Сказании о Мамаевом побоище» используется образ виноградной лозы как символ Царствия Небесного, числовая символика связана с церковным богослужением. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» белый цвет становится символом искупительной жертвы, солнце является знаком присутствия божественной помощи. Здесь также, как в древнерусских воинских повестях, показан обряд прощального целования. Роман М. А. Булгакова «Белая гвардия» коррелирует с «Повестью о разорении Рязани Батыем». Город в этих произведениях символизирует человеческую душу, охваченную пороками. Разрушение Киева в романе Булгакова в контексте сочинения блаженного Августина воспринимается как завершение старого и переход к новому, более совершенному устроению, которое связано с «московским текстом». Молитва Елены, обращенная к Пресвятой Богородице, в романе Булгакова услышана, ее брату дарована жизнь. Россия представлена в отечественной словесности как удел Пресвятой Богородицы, как христианская держава, которая находится под покровительством небесных сил.

Ключевые слова: воинская повесть, идеологема, мотив, символ, Л. Н. Толстой, М. А. Булгаков.

---

1. E-mail: sole11@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7756-2499 * Ответственный автор

Введение

Для определения закономерностей литературного процесса необходимо обратиться к категории жанра. По мнению В. Е. Хализева, жанр указывает на сущностные черты произведения как содержательного, так и формального свойства, с помощью жанров осуществляется преемственность в литературном развитии (Хализев 1999. 341), поэтому они являются важнейшим основанием для типологических представлений. Это динамическая категория, которая возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы. Несмотря на то, что в XVIII веке произошло радикальное изменение в художественном сознании, жанр, по мнению М. М. Бахтина, продолжает реализовать функцию «представления творческой памяти в процессе литературного развития» (Бахтин 1979. 112), поскольку у него есть онтологическая функция: он организует все компоненты произведения в систему, порождающую целостный образ мира.

Эпическая традиция в русской словесности восходит к былинам и героическому эпосу. С принятием христианства, освоением переводной литературы она продолжает свое развитие в воинской исторической повести. Духовное красноречие и летопись также оказывают воздействие на жанр воинской повести. Так, в повестях о Житии Александра Невского, в «Мамаевом побоище» происходит обращение к «Сказанию о Борисе и Глебе». Воинская повесть включает элементы видения и духовного красноречия.

Н. И. Прокофьев и В. В. Кусков считают воинскую повесть разновидностью исторической повести. Н. В. Трофимова утверждает, что воинская повесть – это историко-дидактическое произведение, в основе которого лежит народная легенда, показанная как факт, и для которого характерен телеологический характер сюжета. К лирическим элементам текста исследователь относит молитву и плачи. Исследователь обнаруживает в древнерусских воинских повестях общий мотив «смертной чаши», которую

должны испить в бою воины (Трофимова 2004. 585). Трофимова выделяет в древнерусской повести XV-XVI вв. апокалипсические мотивы (Трофимова 2019. 17). С. С. Александров находит в древнерусских воинских повестях повторяющийся мотив помощи небесных сил, который появляется после молитвы князя, и библейскую аналогию (Александров 2018. 167). А. С. Орлов выделяет в воинской повести патриотическую или религиозную идею, он считает, что последовательность действия в воинской повести подчиняется некоторой схеме (Орлов 1902).

По поводу генезиса жанра воинской повести существуют разные точки зрения. В. М. Истрин обнаружил в воинских повестях традиции летописи (Истрин 1922). И.П. Еремин также считает источником воинской повести летописную запись (Еремин 1987). М. Н. Сперанский раскрыл в воинских повестях особые приемы, которые показывают влияние народного творчества (Сперанский 1954).

Основная часть

Объединяют все древнерусские воинские повести мотив заступничества небесных сил за русскую землю. Даже если город завоеван неприятелем, сожжен врагом, на его месте создается новый город, который должен быть лучше и совершеннее предыдущего. Эта концепция вырастает из сочинения блаженного Августина «О граде Божием», где Город символизирует душу человека. Идея блаженного Августина о «граде Божием» наполняется в послании псковского старца Филофея московскому князю Василию Васильевичу общественным содержанием: Русь берет на себя ответственность за судьбу православия в мире. Город – это духовное пространство христианина, личное и общее, в нем происходит вечная борьба между Христом и антихристом. Воинские повести о житии Александра Невского XIII в., о взятии Царьграда и «Повесть о Темир-Асаке» XVI в. показывают эту

вечную борьбу добра и зла и несут мессианские идеи о назначении Руси быть хранительницей православной веры.

Концепция «Москва – Третий Рим» формируется в древнерусской словесности на протяжении XIII-XVI вв. в контексте событий мировой истории, которые влияют на пробуждение самосознания русского народа. К этим событиям необходимо отнести взятие крестоносцами Константинополя в 1204 году, разгром сербских войск на Косовом поле в 1389 году и падение Константинополя под ударами Османской империи в 1453 году.

На примере воинских повестей «Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Сказание о Мамаевой побоище» можно увидеть, как идеологема «Москва – Третий Рим» на определенном историческом этапе наполняется конкретным содержанием.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» рязанский князь Юрий Ингоревич, не получив помощи от ярославских и владимирских князей, обращается к своим подданным с призывом испить общую «смертную чашу»: «Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыа Божиа церкви, и за вѣ ру христьянскую, и за отчину отца нашего, великаго князя Ингоря Святославича!» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Он идет на молитву в храм Успения Пресвятой Богородицы и обменивается со своей супругой прощальным целованием: «И плакася много пред образом пречистыа Богородицы, и великому чюдотворцу Николе, и сродником своим Борису и Глѣ бу. И дав последнее целование великой княгини Агрепѣ не Ростиславне, и прием благословение от епископа» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Прощальное целование – это очищение души от обид и грехов, это свидетельство о готовности идти на смертный бой и о вере во встречу с супругой в будущей жизни. Поражение в битве осознается древнерусским книжником как наказание за грехи: «И не оста во граде ни един живых, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣ сть бо ту ни стонюща, ни

плачюща: и ни отцу и матери о чадех, или чадом о отци и матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших!» (Повесть о разорении Рязани Батыем).

Когда рязанский богатырь Евпатий Коловрат вступает в бой с войском Батыя, неприятелю кажется, что это мертвые восстали: «Татарове мняша, яко мертви восташа!» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Мотив бессмертного полка, небесного воинства, который поддерживает сражающихся, проходит через все русские воинские повести.

Завершается горестная миссия Ингваря Ингоревича и само повествование погребением князя Фѐдора Юрьевича, возвращая читателя к началу событий – перенесению иконы Николы Корсунского, дающему надежду и духовную силу на обновление земли Рязанской, поскольку прибытие чудотворного образа Николы – великий знак того, что «посѣ ти Богъ люди своих, и не забы дѣ ло руку своею» (Горбунова Л. Г., Александров С. С. 2023. 52-58). На месте старого города появляется новый град, лучше прежнего: «И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утѣ ши, и люди собра. И бысть радость христианом: их же избави Богъ рукою своею крѣ пкою от безбожнаго царя Батыя» (Повесть о разорении Рязани Батыем).

«Сказание о Мамаевом побоище» несет воспоминание о походе Батыя на Рязань и русскую землю. Нашествие Мамая воспринимается как наказание за грехи, а предстоящая битва – как духовная брань с антихристом: «Попущением Божиимъ за грѣ хы наша, от навожденіа диаволя въздвижеся князь от въсточныа страны, имянем Мамай, еллинъ сый вѣ рою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьанскый укоритель. И начатъ подстрѣ кати его диаволъ и вниде вь сердце его напасть роду христианскому, и наусти его, како разорити православную вѣ ру и оскверънити святыя церкви и всему христианству хощеть покорену от него быти, яко бы ся не славило Господне имя в людех его» (Сказание о Мамаевом побоище). Великий князь Димитрий

Иванович призывает всех князей русских собраться на праздник Успения Пресвятой Богородицы в Коломне, а сама Куликовская битва происходит в другой богородичный праздник – Рождество Пресвятой Богородицы. На помощь русским князьям приходит также небесное воинство, как и в Повести о Житии Александра Невского, во главе с благоверными князьями Борисом и Глебом: «На высоцѣ мѣ сте стоя, видѣ ти облакъ от въстока великъ зѣ ло изрядно приа, аки нѣ какиа плъки, к западу идущь. От полуденныя же страны приидоша два уноши, имуща на себѣ свѣ тлыи багряница, лица их сиающа, аки солнце, въ обоихъ руках у них острые мечи, и рекуще плъковником: «Кто вы повелѣ требити отечесътво наше, егоже намъ Господь дарова?» И начаша их сѣ щи и всѣ х изсѣ коша, ни единъ от них не избысть»; «Сынове же русскые, силою святого Духа и помощию святых мученикъ Бориса и Глѣ ба, гоняще, сѣ чаху их, аки лѣ с клоняху, аки трава от косы постилается у русскых сыновъ под конскые копыта» (Сказание о Мамаевом побоище).

Перед Куликовской битвой великий князь Димитрий обменивается с супругой прощальным целованием: «Княгини же великая Еовдокѣ я, и княгини Владимерова Мариа, и иных православъных князей княгини, и многыа жены воеводскыа, и боярыни московьскыа, и служниа жены ту стояще, проводы дѣ ющи, въ слезах и въсклицании сердечнем не могуще ни слова изрещи, отдающе послѣ днее цѣ лование» (Сказание о Мамаевом побоище). Своим воинам он говорит о готовности испить с ними общую чашу: «хощу с вами ту же общую чашу испити и тою же смертию умрети за святую вѣ ру христианскую!» (Сказание о Мамаевом побоище). Русские князья готовы «чаши испить» и «гроздья виноградные есть», что означает их готовность смертью за веру христианскую искупить свои грехи и оказаться в Царствии Небесном.

Во время Куликовской битвы очевидцу дается видение, которое также свидетельствует о покровительстве русских воинов небесными силами: «Въ шестую годину сего дни видѣ х над вами небо развръсто, из негоже изыде

облакъ, яко багрянаа заря над плъком великого князя, дръжашеся низко. Тъй же облакъ исплъненъ рукъ человечьскых, яже рукы дръжаще по велику плъку ово проповѣ дникы, ово пророческы. Въ седмый же часъ дни облакъ тъй много вѣ нцевъ дръжаше и опустишася над плъком, на головы христианьскыя» (Сказание о Мамаевом побоище). Венчание воинов мученическими венцами в седьмой час, время распятия Христа, означает увеличение и усиление небесного воинства.

После победы в Куликовской битве великий князь благодарит своих воинов, павших «за землю Русскую, за веру православную» и возвращается в Москву: «Поѣ дем, братье, въ свою землю Залѣ сскую, къ славному граду Москвѣ и сядем на своих вътчинах и дѣ динах: чести есмя себѣ доступили и славнаго имяни!» (Сказание о Мамаевом побоище). Так, Москва подвигом князя Димитрия и других русских князей возвеличена как христианский град.

Традиции воинской повести, аллюзии к древнерусским памятникам содержатся в русских национальных романах, таких, как «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Белая гвардия» М.А.Булгакова и др. Так, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863-1969) Бородинское сражение происходит 26 августа (7 сентября) в день Сретения иконы Владимирской Божией Матери, которая почитается православными людьми как заступница за Русскую землю. Перед битвой глазами Пьера Безухова показан молебен русских воинов во главе с Кутузовым перед Смоленской иконой Божией Матери. Также герой Толстого вспоминает в косых лучах солнца ополченцев под Можайском, которые надели перед сражением шапки с крестами и белые рубахи, что символизирует их готовность принять смерть за православную веру и, искупив свои грехи, войти в Царствие Небесное. Перед Бородинским сражением Пьер Безухов и Андрей Болконский, Долохов и Безухов обмениваются «прощальным целованием» (Толстой 1979. 208, 219). Благословление Дмитрий Донской в «Сказании о Мамаевом побоище»

получает от преп. Сергия Радонежского в день св. Флора и Лавра. В плену Пьер Безухов слышит от Платона Каратаева молитву св. Флору и Лавру (Толстой 1979. 53). Платон Каратаев открывает Пьеру возможность жизни по Евангельской Истине, он становится для главного героя «олицетворением духа простоты и правды», при этом в авторской речи повторяется слово «благообразие»: «…главная прелесть его рассказов состояла в том, что в его речи события самые простые, иногда те самые, которые, не замечая их, видел Пьер, получали характер торжественного благообразия» (Толстой 1979. 55).

Встречи героев романа Толстого, Андрея Болконского с Наташей, Марьи Болконской — с Николаем Ростовым, Пьера Безухова — с Платоном Каратаевым, не случайны. Судьбы героев являются частью общей судьбы русского народа, решающим событием для которого становится Бородинское сражение. Князь Николай Болконский умирает 15 августа — в день Успения Пресвятой Богородицы. Соответственно, встречи героев происходят между Успением и Рождеством Пресвятой Богородицы. Толстой особенно отмечает дату 8 сентября (21 сентября), после которой происходит встреча Безухова с Каратаевым (Толстой 1979. 41).

В романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» (1924) взятие Города показано как духовная брань между небесным воинством и сатаной. Антихристом назван Петлюра – для этого используется числовая символика: «Именно, в городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага, коей предписывалось выпустить из камеры № 666 содержащегося в означенной камере преступника» (Булгаков 1989. 48). Невинно убиенные на поле брани переходят в небесное воинство, видение которого дается Алексею Турбину во сне. Полковник Най-Турс и вахмистр Жилин во сне Алексея сакрализируются, сопоставляются с образом святого воина на иконе, Так, Най-Турс «был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался

он на меч, длинный, каких уже нет ни в одной армии со времен крестовых походов. Райское сияние ходило за Наем облаком <…> Как огромный витязь возвышался вахмистр, и кольчуга его распространяла свет. Грубые его черты, прекрасно памятные доктору Турбину, собственноручно перевязавшему смертельную рану Жилина, ныне были неузнаваемы, а глаза вахмистра совершенно сходны с глазами Най-Турса - чисты, бездонны, освещены изнутри. <…> все вы у меня, Жилин, одинаковые - в поле брани убиенные» (Булгаков 1989. 53-57).

Если Город в романе Булгакова будет разрушен за грехи, то возрождение его также возможно: «Но лучше всего сверкал электрический белый крест в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке, и был он виден далеко <…> лодки видели его и находили по его свету водяной путь на Город, к его пристаням. Зимой крест сиял в черной гуще небес и холодно и спокойно царил над темными пологими далями московского берега, от которого были перекинуты два громадных моста. Один цепной, тяжкий, Николаевский, ведущий в слободку на том берегу, другой - высоченный, стреловидный, по которому прибегали поезда оттуда, где очень, очень далеко сидела, раскинув свою пеструю шапку, таинственная Москва» (Булгаков 1989. 40).

В роман Булгакова входит «московский текст». Мост соединяет Город с дорогой на Москву, памятник Богдану Хмельницкому рядом с первым православным храмом, Софийским собором, показывает это же направление: «…было видно, как по скале поднимались на лестницу серые, опоясанные лихими ремнями и штыками, пытались сбить надпись, глядящую с черного гранита. Но бесполезно скользили и срывались с гранита штыки. Скачущий же Богдан яростно рвал коня со скалы, пытаясь улететь от тех, кто навис тяжестью на копытах. Лицо его, обращенное прямо в красный шар, было яростно, и по-прежнему булавой он указывал в дали [на северо-восток, на Москву]» (Булгаков 1989. 200). Финал романа Булгакова дает надежду на

возрождение жизни в Городе, как это было показано в «Повести о разорении Рязани Батыем».

Диалоги однофамильца и современника М. А. Булгакова, Сергея Николаевича Булгакова, которые называются «На пиру богов» (1918), завершаются словами о вере в спасение России. Эти слова соотносятся с романом Булгакова «Белая гвардия»: «Перед самым октябрьским переворотом мне пришлось слышать признание одного близкого мне человека. Он рассказывал с величайшим волнением и умилением, как у него во время горячей молитвы перед явленным образом Богоматери на сердце вдруг совершенно явственно прозвучало: Россия спасена. Как, что, почему? Он не знает, но изменить этой минуте, усомниться в ней значило бы для него позабыть самое заветное и достоверное. Вот и выходит, если только не сочинил мой приятель, что бояться за Россию в последнем и единственно важном, окончательном смысле нам не следует, ибо Россия спасена – Богородичною силою. И об этом, поверьте, твердо знает вся православная Россия» (Булгаков С. Н. 1990. 143-144). В романе М. А. Булгакова Елена в рождественские дни обращает молитву к Пресвятой Богородице с просьбой о выздоровлении брата Алексея, принося в жертву свое личное счастье (Булгаков 1989. 210). В финале романа мир описан как богослужение: «Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всенощную. В алтаре зажигали огоньки, и она проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами» (Булгаков 1989. 234). Часовой-красноармеец видит то же небесное воинство, что и Алексей в Турбин в начале. Заканчивается роман радостным детским сном Петьки Щеглова как началом новой жизни.

Заключение

Традиции воинской повести в романах Л. Н. Толстого и М. А. Булгакова связаны с концепцией «Москвы – Третьего Рима». Россия в отечественной

словесности показана как держава, которая вступает в духовную брань за православную веру. Общими для всех произведений являются мотивы молитвы и помощи небесных сил, заступничества Пресвятой Богородицы за русскую землю, а также символика жертвенной смерти и мотив участия в битве небесного воинства. Церковный календарь, который использует автор, обращает читателя в основном к богородичным праздникам, поскольку в русском народе живет вера в то, что Россия является уделом Пресвятой Богородицы. Жертвенная смерть воина за русскую землю и веру православную увеличивает небесное воинство, помощь небесных сил русской земле. Сожженный град восстанавливается как христианский город, еще более совершенный, чем прежний.

Литература

1- Александров С. С. (2018). *Александров С. С. Мотив небесного заступничества в древнерусских воинских повестях XV в.* // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 2.

2- Бахтин М. М. (1979). *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Художественная литература, 1979.

3- Булгаков С. Н. (1990). *Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги* / комм. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова // Из глубины: Сборник статей о русской революции. Москва: Изд-во МГУ, 1990. С. 143–144.

4- Булгаков М. А. (1989). *Булгаков М. А. Белая гвардия. Дьяволиада. Роковые яйца. Собачье сердце.* Ленинград: Лениздат, 1989.

5- Горбунова Л. Г., Александров С. С. (2023). *Горбунова Л. Г., Александров С. С. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в свете поэтики чуда* // Междисциплинарные связи при изучении литературы. Саратов, 2023. С. 52-58.

6- Еремин И. П. (1987). *Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы*. Изд. 2-е, доп. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987.

7- Истрин В. М. (1922). *Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домо-сковского периода (11-13 вв.)*. Пг.: Наука и школа, 1922.

8- Кусков В. В. (1980). *Кусков В. В. Жанры и стили древнерусской литературы 11 - первой половины 13 в.* Автореф. докт. филол. наук. М.: 1980.

9- Орлов А. С. (1902). *Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.).* М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с.

10- *Повесть о разорении Рязани Батыем* (1997). // Литература Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5.

11- Прокофьев Н. И. (1975). *Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв.* // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 5–39.

12- *Сказание о Мамаевом побоище* (1999). // Литература Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6.

13- Сперанский М. Н. (1954). *Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности 16-17 веков (вступительная часть статьи В.Д.Кузьминой)* // ТОДРЛ. М.;Л.: Изд-во АН СССР; 1954. Т.10.

14- Толстой Л. Н. (1979). *Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т.,* М.: Худож. лит., 1979. Т. 6: Война и мир.

15- Толстой Л. Н. (1979). *Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т.,* М.: Худож. лит., 1979. Т. 7: Война и мир.

16- Трофимова Н. В. (2019). *Трофимова Н. В. Библейские цитаты в воинском повествовании XV–XVI вв.* // Наука и школа. 2019. № 2.

17- Трофимова Н. В. (2004). *Трофимова Н. В. Из истории древнерусской воинской повести* // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11.

18- Хализев В. Е. (1999). *Хализев В. Е. Теория литературы*. М.: Высшая школа, 1999.

Bibliography

1- Aleksandrov S. S. (2018). Aleksandrov S. S. *Motiv nebesnogo zastupnichestva v drevnerusskikh voinskikh povestiakh XV v.* // Izvestiia Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Filologiia. Zhurnalistika. 2018. T. 18. Vyp. 2.

2- Bakhtin M. M. (1979). Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo.* M.: Khudozhestvennaia literatura, 1979.

3- Bulgakov S. N. (1990). Bulgakov S. N. *Na piru bogov. Pro et contra. Sovremennye dialogi* / komm. M. A. Kolerova i N. S. Plotnikova // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revoliutsii. Moskva: Izd-vo MGU, 1990. S. 143–144.

4- Bulgakov M. A. (1989). Bulgakov M. A. *Belaia gvardiia. D'iavoliada. Rokovye iaitsa*. Sobach'e serdtse. Leningrad: Lenizdat, 1989.

5- Gorbunova L. G., Aleksandrov S. S. (2023). *Gorbunova L. G., Aleksandrov S. S. «Povest' o razorenii Riazani Batyem» v svete poetiki chuda* // Mezhdistsiplinarnye sviazi pri izuchenii literatury. Saratov, 2023. S. 52-58.

6- Eremin I. P. (1987). Eremin I. P. *Lektsii i stat'i po istorii drevnei russkoi literatury*. Izd. 2-e, dop. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1987.

7- Istrin V. M. (1922). *Istrin V.M. Ocherk istorii drevnerusskoi literatury domoskovskogo perioda (11-13 vv.)*. Pg.: Nauka i shkola, 1922.

8- Kuskov V. V. (1980). Kuskov V. V. *Zhanry i stili drevnerusskoi literatury 11 - pervoi poloviny 13 v*. Avtoref. dokt. filol. nauk. M.: 1980.

9- Orlov A. S. (1902). Orlov A. S. *Ob osobennostiakh formy russkikh voinskikh povestei (konchaia XVII v.)*. M.: Imp. O-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, 1902. 50 s.

10- *Povest' o razorenii Riazani Batyem* (1997). // Literatura Drevnei Rusi. SPb.: Nauka, 1997. T. 5.

11- Prokof'ev N. I. (1975). *Prokof'ev N. I. O mirovozzrenii russkogo srednevekov'ia i sisteme zhanrov russkoi literatury XI–XVI vv.* // Literatura Drevnei Rusi. M., 1975. Vyp. 1. S. 5–39.

12- *Skazanie o Mamaevom poboishche* (1999). // Literatura Drevnei Rusi. SPb.: Nauka, 1999. T. 6.

13- Speranskii M. N. (1954). Speranskii M. N. *Povesti i skazaniia o vziatii Tsar'grada turkami (1453) v russkoi pis'mennosti 16-17 vekov (vstupitel'naia chast' stat'i V.D.Kuz'minoi)* // TODRL. M.;L.: Izd-vo AN SSSR; 1954. T.10.

14- Tolstoi L. N. (1979). *Tolstoi L. N. Sobr. soch.: v 22 t.*, M.: Khudozh. lit., 1979. T. 6: Voina i mir.

15- Tolstoi L. N. (1979). *Tolstoi L. N. Sobr. soch.: v 22 t.*, M.: Khudozh. lit., 1979. T. 7: Voina i mir.

16- Trofimova N. V. (2019). *Trofimova N. V. Bibleiskie tsitaty v voinskom povestvovanii XV–XVI vv.* // Nauka i shkola. 2019. № 2.

17- Trofimova N. V. (2004). *Trofimova N. V. Iz istorii drevnerusskoi voinskoi povesti* // Germenevtika drevnerusskoi literatury. 2004. № 11.

18- Khalizev V. E. (1999). *Khalizev V. E. Teoriia literatury.* M.: Vysshaia shkola, 1999.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Fedorova E. A. (2026). THE TRADITIONS OF THE GENRE OF THE MILITARY STORY IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX-XX CENTURIES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 14*(1), 69-83.
DOI: 10.66224/IARLL.27.4
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/403

سنت‌های ژانرِ روایت جنگی در ادبیات روسی سده‌های نوزدهم و بیستم

یلنا آلکسی‌یونا فیدورُوا[1]*
استاد، دانشگاه دولتی پ.گ. دمیدوف یاروسلاول
یارسلاول، روسیه

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژانویهٔ ۲۰۲٦)

چکیده

ژانر «روایت جنگی» گونه‌ای از ژانر تاریخی است که بنیان آن بر افسانهٔ مردمی استوار است؛ افسانه‌ای که به‌مثابه واقعیت بازنمایی می‌شود. روایت جنگی دارای طرحی غایت‌مند است که به‌ویژه با ایدئولوگم (واحد ایدئولوژیک) «مسکو- روم سوم» پیوند دارد و از جهت‌گیری آموزشی و تعلیمی برخوردار است. از جمله مضامین مشترک روایت‌های جنگی می‌توان به دعای طلب یاری، انگیزهٔ حمایت و شفاعت نیروهای آسمانی، مضمون «جام مرگ» و آیین بوسهٔ وداع اشاره کرد. در ساختار روایت جنگی، ژانر فولکلوریک مرثیه و ژانر مکتوبِ رؤیا (مکاشفه) حضور دارد و نمادپردازی مسیحی نقشی برجسته ایفا می‌کند. در «داستان نبردِ مامای»، تصویر تاک انگور به‌عنوان نماد ملکوت آسمان به‌کار رفته است و نمادپردازی عددی با آیین‌های عبادی کلیسایی ارتباط دارد. در رمان «جنگ و صلح» اثر ل.ن. تالستوی، رنگ سفید به نماد قربانی کفّاره‌ای بدل می‌شود و خورشید نشانه‌ای از حضور یاری الهی است. در این اثر نیز، همانند روایت‌های جنگی کهن روسی، آیین بوسهٔ وداع بازنمایی شده است. رمان «گارد سفید» اثر م.آ. بولگاکف. با «روایت ویرانی ریازان به‌دست باتو» همبستگی معنایی دارد. شهر در این آثار نماد روح انسانی است که در چنگال رذایل گرفتار آمده است. ویرانی کی‌یف در رمان بولگاکف، در چارچوب اندیشه‌های قدیس آگوستین، به‌منزلهٔ پایان نظم کهن و گذار به نظمی نوین و کامل‌تر تلقی می‌شود؛ نظمی که با «متن مسکویی» پیوند دارد. دعای یلنا که در رمان بولگاکوف خطاب به حضرت مریم مقدس ادا می‌شود، مستجاب می‌گردد و زندگی به برادر او بخشیده می‌شود. روسیه در سنت ادبی بومی، به‌عنوان سرزمینِ منسوب به حضرت مریم مقدس، و به‌مثابه دولتی مسیحی بازنمایی می‌شود که تحت حمایتَ نیروهای آسمانی قرار دارد.

واژگان کلیدی: روایت جنگی، ایدئولوگم (واحد ایدئولوژیک)، موتیف (درون‌مایه)، نماد، ل.ن. تالستوی، م.آ. بولگاکف.

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: sole11@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7756-2499

نوع مقاله: علمی- پژوهشی